

Н. А. Иваницкий — выдающийся русский этнограф-фольклорист, краевед, очеркист, поэт, переводчик, ботаник. В 1880-90-е годы записывал на Вологодчине народные песни, сказки, легенды, пословицы, поговорки и загадки. Его записи, в том числе фундаментальный труд «Материалы по этнографии Вологодской губернии», составили самое обширное собрание вологодского фольклора. Также им был создан список растений и гербарий Вологодской губернии.

***

В истории культуры Вологодского края заметное место принадлежит семье Иваницких, точнее — трем ее представителям. Братья Александр Иванович и Николай Иванович были обер-офицерскими детьми. Так в первой половине XIX века называли детей офицеров, рожденных до того, как их отцы получили чин, обеспечивающий право на потомственное дворянство. Впоследствии, по особому ходатайству, это право могло быть даровано одному из сыновей. Но в любом случае дворянское общество обер-офицерских детей не отвергало, и они могли пользоваться если не всеми, то многими привилегиями высшего сословия. Оба брата родились в 1810-х годах, оба окончили Вологодскую губернскую гимназию, а затем Петербургский университет: Александр — физико-математический факультет, а Николай — философский. И тот и другой, покинув студенческую скамью, вступили на педагогическое поприще. Каждый из них (правда, разное по продолжительности время), преподавал в той гимназии, в которой сам когда-то учился. Александр — математику, физику и естественную историю (природоведение), Николай — русский язык и логику. Оба испытывали влечение к литературному творчеству и публиковались в столичных журналах. Оба до конца не раскрыли свои способности, не дожив до пятидесяти лет.

Третий Иваницкий

Незаурядный и «неблагонадежный»

Третьим Иваницким, оставившим след в русской культуре, был Николай Александрович, сын Александра Ивановича и племянник Николая Ивановича. Более всего он известен как этнограф и собиратель устного народного творчества, хотя сам себя считал прежде всего ботаником. Вообще же интересы этого незаурядного человека отличались многообразием, и непросто назвать ту отрасль знания, которая не стала бы объектом его внимания. Однако, говоря о трудах Иваницкого на ниве науки и просвещения, не нужно забывать, что за дошедшими до нас результатами этих трудов стоит конкретный человек, со своими мыслями, переживаниями, драмами, биографией, судьбой. Жизненный путь человека — тоже явление культуры. Может быть, самое значимое из всех явлений культуры.

Жизнь Н. А. Иваницкого складывалась непросто. Ему исполнилось всего три года, когда умер его отец. Воспитанием мальчика занималась мать, Шарлотта Августовна, урожденная Гейне. При желании в том Иваницком, каким он стал повзрослев, можно обнаружить черты немецкого характера (в обыденно-массовом представлении, разумеется). Ему были свойственны и самодисциплина, и методичность, и целеустремленность, и аккуратность, и работоспособность. Независимо от веры в реальное существование национального характера можно утверждать, что хорошим знанием немецкого языка и интересом к литературе Николай Александрович был обязан матери, женщине образованной, начитанной, обладавшей развитым художественным вкусом и помнящей о своих корнях. В 1858 году одиннадцатилетний Николай вместе с семьей переезжает в Петербург. Здесь он оканчивает гимназию, поступает в военно-юридическое училище и... не успев завершить даже первого курса, подвергается аресту, а затем и высылке из столицы. Сам Иваницкий никогда никакой вины за собой не признавал и стойко придерживался убеждения, что стал жертвой полицейского произвола. Он и в самом деле не принадлежал к радикально настроенной молодежи, не горел желанием посвятить себя политической борьбе, а если увлекался Писаревым и позволял себе саркастические высказывания в адрес властей в дневниковых записях, то это было скорее проявлением студенческого фрондерства, духа юношеского вольномыслия, чем свидетельством оппозиционности по отношению к существующему строю. Не имело политической подоплеки и его знакомство с исповедовавшей революционно-демократические взгляды писательницей Марко Вовчок, с молодыми людьми, подозреваемыми в связях с террористами. Знакомства эти объяснялись или тягой к интересным людям, которых среди деятелей освободительного движения было немало, или просто принадлежностью к пестрому миру петербургского студенчества, в котором вращались молодые люди разного толка. Тем не менее, собранных полицией свидетельств «неблагонадежности» Иваницкого оказалось достаточно для того, чтобы выслать его из Петербурга в Тотьму под гласный надзор местных властей и негласный — агентов политического сыска. Так, спустя десять лет, он вернулся в места, где когда-то родился, и где прошло его детство.

Вологда

В Тотьму Иваницкий попал не сразу. Благодаря стараниям родственников ему дали возможность пожить некоторое время в Вологде, с которой после долгого отсутствия пришлось знакомиться заново. Детские воспоминания оказались не соответствующими тому, с чем столкнулся повзрослевший уроженец города. По приезде судьба его свела с Н. В. Шелгуновым и П. Л. Лавровым, идейными лидерами освободительного движения 1860-х годов, живущими в Вологде на правах ссыльных. Первый из них Иваницкому не понравился, со вторым он легко и быстро сблизился. Определяющую роль здесь сыграли не взгляды и убеждения, а чисто человеческие качества новых знакомых. Лавров оказался более открытым, более дружелюбным, более общительным человеком, чем Шелгунов. Круг общения Иваницкого и в дальнейшем складывался по этому принципу. Он не придавал особого значения социальному и имущественному положению, устоявшемуся авторитету, политической ориентации, принадлежности к той или иной группировке. Человек интересовал его прежде всего как личность, как своеобразный характер, как обладатель достойных уважения качеств.

В Вологде Иваницкому на первых порах жилось несладко. Ссылным полагалось выплачивать ежемесячно из казны 6 рублей. Из-за канцелярских неувязок эти деньги Николай начал получать не сразу. Между тем нужно было нанимать жилье, чем-то питаться, иметь средства для удовлетворения бытовых нужд. Николаю Александровичу довелось испытать голод, делать визиты к знакомым в расчете на угощение, брать деньги в долг, не зная, когда появится возможность их отдать. Наиболее простым выходом для него было зарабатывать на жизнь уроками, благо спросом домашние учителя в Вологде пользовались. Однако ссылкой деятельностью подобного рода заниматься запрещалось. Иваницкий запрет проигнорировал и поправил свое

материальное положение настолько, что смог даже приобрести книги. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, потому что оно непосредственно связано с задачей, поставленной Иваницким перед самим собой. Арест, тюрьма, ссылка не сломили его нравственно. Он твердо решил, что использует ситуацию, в которую попал, для самосоздания, для развития собственной личности, наиболее верный путь к чему — самообразование. В отличие от отца и дяди ему не было суждено окончить университет, и недостаток образования ощущался им как серьезный изъян, который необходимо во что бы то ни стало изжить. Правда, вплотную приступить к исполнению своего замысла он смог уже не в Вологде, а в Тотьме, куда его препроводили, вменив в вину нарушение запрета на педагогическую деятельность. Фактически же его наказали за независимый характер, за пренебрежение важным для провинциального общества обычаем чинопочитания.

Тотемская ссылка

Тотемская ссылка длилась с конца сентября 1868 до середины мая 1870 года. Этот период жизни Иваницкого известен лучше всего, поскольку о нем подробно рассказано в сохранившейся части его «Записок». Другие же части, где шла речь о вологодском детстве, о жизни в Петербурге, о тридцатилетнем отрезке, завершающем биографию этого замечательного человека, увы, безвозвратно утрачены. Иваницкий писал, что слово «Тотьма» значит для него столь же много, как для других людей названия городов, известных своими университетами: Харьков, Петербург, Берлин, Гейдельберг. Тотемский «университет» был, однако, создан самим Иваницким, совместившим в одном лице и профессуру, и студенчество. Конечно, определенную роль в его умственном развитии и играли тамошние ссыльные, а знакомые и родственники помогали ему добывать необходимые книги. Но главным создателем и исполнителем масштабной образовательной программы был он сам. «Занимаясь ревностно английским языком, я прошел вместе с тем основательно арифметику, геометрию и даже алгебру, переделал по этим предметам сотни задач, повторил географию, историю, зоологию, минералогию, ботанику, затем принялся за чтение русских писателей и, благодаря училищной библиотеке, прочел их всех, начиная с Кантемира, прошел теорию словесности, занимался и французским языком по часу в день регуляр-

но... Вставал я аккуратно в 6 часов (хотя бы перед тем пришлось лечь в 2 ч. утра, что бывало). Напившись чаю, садился к столу и занимался до полудня. В полдень совершал прогулку по комнате версты две (по улицам я никогда не любил гулять), затем обедал, опять садился к столу и занимался до пяти. Если в шесть или в семь не уходил куда-нибудь в гости, то посвящал вечер тем же занятиям или чтению «посторонних» книг, обыкновенно до полуночи и никогда лежа, а всегда сидя». Заполняя занятия до отказа весь день, Иваницкий находил время и для того, чтобы пополнять свой скудный бюджет, и бывало так, что уроками и перепиской ролей для любительского театра он зарабатывал в месяц больше тех шести рублей, которые, наконец-то, по прибытии в Тотьму ему начали выплачивать регулярно.

Скитания Иваницкого

В мае 1870 года Иваницкого перевели в Вологду, а в январе 1871 (до окончания трехлетнего срока) он был освобожден от надзора полиции, ему разрешено было жить где заблагорассудится, за исключением Петербурга, Москвы и губерний, до обеих столиц относящихся. Иваницкому было всего лишь 24 года, но он, вызывая недоумение родных, близких и знакомых, предоставленной ему свободой воспользоваться не спешил. Более того, оставив губернский центр, вернулся в привычную и ставшую ему близкой за время ссылки Тотьму. Впрочем, на этот раз Иваницкий оставался там недолго. Начались годы скитаний. Съездив, по-видимому, из любопытства, в Крым и посетив заодно Екатеринослав, он снова появляется в Вологде, осваивает здесь профессию телеграфиста, служит на телеграфах в Ярославле и Вытегре, вновь приезжает в Вологду, становится библиотекарем, женится на вологодской дворянке Н. Н. Зубовой. Брак оказывается неудачным, скитания Иваницкого продолжаются, он служит почтмейстером в Никольске, затем — в разных учреждениях Грязовца, Устюга, Усть-Сысольска, с 1886 года живет в Кадникове. С ноября 1892 года он — младший помощник правителя канцелярии архангельского губернатора. В 1893-1895 годах — служащий Кадниковской земской управы, в 1895-1899 — секретарь губернского правления в Петрозаводске. Некоторое время Иваницкий питал надежду на перевод в Петербург. Когда стало ясно, что эта надежда тщетна, он в качестве чиновника особых поручений отправился по собственному прошению с партией крестьян-пере-

селенцев в Уссурийский край, где и умер от тифа 11 ноября 1899 года в городе Никольске-Уссурийском.

«Я не люблю никаких резких звуков»

Три десятилетия жизни Иваницкого после ссылки были необычайно плодотворными. Они и определили в конечном счете масштаб его личности. Служба, обусловленная необходимостью заработка, являлась для него чем-то второстепенным. Почти все свои силы он отдавал умственному и духовному труду на благо науки и просвещения. Его увлекли астрономические наблюдения. Им была составлена большая ботаническая коллекция, он опубликовал ряд научно-популярных статей и очерков, посвященных флоре северного края. В 1880-е годы его интерес сосредоточился на изучении крестьянского быта и устного народного творчества, итогом собирательской деятельности стал монументальный труд «Материалы по этнографии Вологодской губернии», который со временем занял место в ряду классических работ по традиционной народной культуре. Был Иваницкий и поэтом. Его стихи печатались не только в вологодских газетах, но и в петербургских журналах «Дело», «Неделя», «Наблюдатель». Но если попытаться свести его многообразную деятельность к единому знаменателю, то можно, наверно, сказать, что был Николай Александрович Иваницкий прежде всего личностью, стремившейся соответствовать представлению о том, каким должен быть человек, и способствовать утверждению этого представления в умах и сердцах других людей. Все труды, занятия и поступки Иваницкого — лишь средство воплощения в жизнь его понятия о назначении человека. Понимая, что усилия по пробуждению человеческого начала в современных людях могут оказаться тщетными, он, тем не менее, настаивал: «...будить все-таки следует, только будить как? Не боем барабана, — я вообще не люблю никаких резких звуков, а примером, примером и примером. Ты ищешь выхода из мерзости запустения, окружающей тебя, приди ко мне и посмотри, как я живу. Ты хочешь трудиться, хочешь знать, как надо трудиться, приди ко мне и я тебя научу. Ты хочешь покоя, отдыха от безумной сутолоки — приди ко мне и отдохни».

Жить в соответствии с этим принципом и значило для Иваницкого исполнять свое предназначение.